
В. И. ПАНТИН

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются основные вызовы, обусловленные императивом современного развития, обращенным ко всем основным политическим субъектам, а также проблемы выработки ими адекватной современным условиям политики развития. Эффективная политика развития должна учитывать нелинейный характер социального и политического развития в России и в мире, а также наличие множества исторических развилок на этом пути, включая будущие «особые точки» на траектории мирового развития в начале 2020-х гг. Автором проанализирован исторический и современный опыт политики развития, проводимой государственной властью в России (в том числе в советский и постсоветский периоды). Сделан вывод о необходимости разработки единой государственной и общественной стратегии развития, включающей инфраструктурные проекты, планы федерального, регионального и местного развития, а также инициативы снизу (проекты различных инициативных групп и сетевых сообществ). Определены основные ресурсы развития России, которые в настоящее время остаются слабо задействованными. В их числе: интеллектуальный потенциал и различные социальные и технологические инновации, развитие и использование центров ситуационного анализа и прогноза для принятия управленческих и политических решений, использование многочисленных общественных и групповых инициатив снизу, социальное и культурное разнообразие российских регионов, способность большинства граждан России к мобилизации и сосредоточению усилий в условиях серьезных внешних угроз, потенциал развития малого и среднего бизнеса в высокотехнологичных отраслях российской экономики, уменьшение бюрократического пресса и отказ от ориентации на чисто формальные показатели в науке, образовании и других областях.

Ключевые слова: политическое развитие, политика развития, Россия, точки перелома, технологические уклады, социальные уклады, ресурсы развития, социальное и культурное разнообразие, российские регионы.

Нелинейный характер политического развития и «точки перелома»

В настоящее время для России и многих других стран весьма актуальными стали разработка и осуществление политики развития, которая была бы принята большинством населения и соответствовала быстро меняющимся условиям современного мира. Это объясняется, в частности, большим количеством различных внутренних и внешних вызовов, связанных с изменением мирового порядка (Глазьев 2018; Пантин и др. 2018). В то же время очевидно, что выработка и реализация такой политики невозможна без учета основных проблем и тенденций политического развития на глобальном, региональном, национальном и субнациональном (местном) уровнях. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные характеристики политического развития в современном мире и определить возможные ресурсы политики развития в России, которая учитывала бы социальные и культурно-цивилизационные особенности российского общества и государства. Для этого, как представляется, целесообразно использовать институциональный, цивилизационный и системно-эволюционный подход к исследованию и прогнозированию политического развития с учетом его нелинейного характера.

Важно отметить, что в начале XXI в. весь мир вступил в период глубокой технологической, социальной и политической трансформации, в фазу перехода к новому мировому порядку (Kurchan 2002; Arrighi 2007; Zakaria 2008; Фергюсон 2016). В связи с этим при разработке и осуществлении любой по-настоящему реалистичной и адекватной политики развития необходимо учитывать ярко выраженную *нелинейность и турбулентность* современного политического развития, как внутреннего, так и международного. Нелинейный характер развития социально-политических систем означает, во-первых, наличие целого ряда «точек перелома» на их исторической траектории, в которых меняется вектор политического развития, во-вторых, наличие потенциала вариативности траекторий движения системы и, в-третьих, формирование по мере такого развития сложных структур из малых флуктуаций, из хаоса (Капица и др. 2003; Тимофеев 2012; Князева, Курдюмов 2014).

Следует отметить, что во многих зарубежных и отечественных работах, посвященных политическому развитию, нелинейность, о которой идет речь, а также масштабы и глубина происходящих сдвигов нередко игнорируются или значительно преуменьшаются, особенно если они не укладываются в линейно-поступательную, прогрессистскую западоцентричную парадигму (см., например: Robertson 1992; Фукуяма 2004; Friedman 2009). Между тем выход за рамки этой линейно-поступательной парадигмы позволяет увидеть множество переломных точек в глобальном, региональном и страновом политическом развитии, плотность расположения которых на шкале времени увеличивается по мере приближения к текущему моменту. Наряду с другими признаками это свидетельствует о наступлении действительно переломного и переходного периода в мировом развитии.

Особые «точки перелома», изменения тренда российской и международной политической динамики связаны с вхождением этих социальных систем в очередной период нестабильности развития и являются зримым проявлением нелинейной политической и социально-экономической эволюции стран Запада, России и других государств в конце XX – начале XXI в. Особое внимание к динамике социальных систем в окрестностях этих «точек перелома» обусловлено потребностями разработки по-настоящему адекватной и реалистичной политики развития в такие периоды, когда радикально меняются и характер, и структура международных отношений. Отметим кратко ряд таких периодов, отдавая предпочтение анализу изменения диспозиций нашей страны в мире в такие особые исторические моменты.

1980–1981 гг.: Советский Союз находился на пике своего политического влияния в мире, однако внутренние и международные процессы стали резко менять свою направленность. В СССР усилилась стагнация экономического и социального развития, обострились внутривнутриполитические проблемы и борьба внутри политической элиты, начавшаяся война в Афганистане способствовала формированию единого фронта различных государств против Советского Союза (США, стран Западной Европы, Китая, Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана и др.). В США после прихода к власти Р. Рейгана резко усилились неоконсервативные антикоммунисти-

ческие тенденции во внутренней и внешней политике, что в дальнейшем сыграло важную роль в крушении биполярной системы в мировой политике.

1989–1991 гг.: «бархатные революции» в странах Восточной Европы, прекращение действия Варшавского договора, кризис и распад СССР.

2000–2001 гг.: экономический кризис в США и в Европе, избрание президентом Соединенных Штатов Дж. Буша-младшего и президентом России В. В. Путина, масштабные террористические акты в Америке 11 сентября 2001 г., начало операции США и других стран НАТО в Афганистане.

2008–2009 гг.: глобальный финансовый и экономический кризис с глубокими и долговременными социальными и политическими последствиями, военный конфликт в Южной Осетии и Абхазии, начало резкого роста напряженности в отношениях между Западом и Россией.

2011–2012 гг.: «арабская весна», гражданские войны в Ливии, Сирии, Йемене с военным и политическим вмешательством других стран.

2013–2015 гг.: политический конфликт между США и Россией из-за химического оружия в Сирии, государственный переворот на Украине, присоединение Крыма к России, начало военного конфликта в Донбассе, начало санкционной войны западных стран против России, провозглашение «всемирного халифата» ИГИЛ (ДАИШ)*, начало операции российских ВКС в Сирии.

2017–2018 гг.: разгром ИГИЛ в Сирии и Ираке, глубокий внутривнутриполитический раскол в США и странах ЕС, новое резкое обострение отношений между США и Россией, усиление гибридной войны, торговая война между США и Китаем, а также между США и ЕС, обострение отношений между Соединенными Штатами и Ираном.

Отметим, что именно нежелание или неспособность учитывать указанные выше «критические точки», стремление сохранить инерционную динамику и обусловленное этим линейное проекти-

* Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

рование социального, политического и культурного развития привели сначала к кризису и распаду Советского Союза, затем – к обострению внутренней и международной конфликтности в разных регионах мира. Наконец сегодня мы наблюдаем социальный, ценностный и политический раскол и кризис в странах ЕС и в США. Между тем приведенное краткое перечисление «точек перелома» в международном и российском политическом развитии свидетельствует о том, что это развитие носит ярко выраженный нелинейный характер. Более того, без учета нынешних и грядущих «точек перелома» невозможно правильно прогнозировать социально-политическое развитие России и выработать эффективную с точки зрения российских национальных интересов политику развития общества и государства. Иными словами, линейная экстраполяция предшествующего социального и политического развития на будущее, его инерционное продолжение сопряжены с фатальными ошибками в выработке политики развития. Эти ошибки могут привести к катастрофическим последствиям, как это произошло в 1980-х – начале 1990-х гг. в Советском Союзе. Отсюда вытекает необходимость более основательного прогнозирования переломных точек на траектории политического развития, без чего все социальные и политические проекты развития в значительной степени обречены на неудачу.

Разумеется, прогнозирование будущих критических точек развития внутристрановых и международных социально-политических процессов – задача довольно сложная. Вместе с тем методология, апеллирующая к циклам эволюции мировой политической и экономической системы, а также циклам и волнам модернизации России, уже показала свою прогностическую эффективность и позволила сделать целый ряд сбывшихся прогнозов (Пантин, Лапкин 2006: 315, 318–319, 417, 435). Можно с достаточно высокой степенью вероятности прогнозировать критические точки развития («точки перелома»), которые будут иметь место в **2021–2022, 2024–2025** и **2029–2031** гг. (Они же 2014: 280–288, 392–395). Более того, можно утверждать, что если российское общество и государство в очередной раз проигнорируют результаты такого объективного среднесрочного прогнозирования и будут руководствоваться инерционными моделями социального и политического развития в ло-

гике линейного проектирования, последствия для России могут оказаться чрезвычайно тяжелыми. «Ослепленная» инерционными прогнозами и не подготовившаяся заранее, в критический момент страна может не справиться с вызовами, сопряженными с поворотом траектории глобального развития. И тогда следует ожидать катастрофы – вплоть до распада государства и разрушения социальной ткани общества.

Само же наличие в ближайшем десятилетии указанных критических точек обусловлено целым рядом чрезвычайно значимых трансформаций миропорядка, прогнозируемых посредством методологии системно-эволюционного подхода. Со вступлением мировой системы в новую фазу эволюционного цикла (фазу «революции мирового рынка») (Пантин, Лапкин 2014: 255, 264–265, 269, 280–288) начались глубокие технологические и геополитические сдвиги (глобальная геополитическая и геоэкономическая революция). В результате в самые ближайшие годы будет усиливаться давление на Россию со стороны западных стран, которое достигнет критического значения к 2021 г. Важное значение в эти критические периоды будут иметь внутривнутриполитические события в России. В 2021 г. пройдут выборы в Государственную Думу. К этому времени проявятся в полной мере социальные последствия пенсионной и ряда других реформ, будет в значительной мере исчерпан кредит доверия правящим элитам. В 2024 г. пройдут судьбоносные для страны выборы президента. Если уже к первой из этих дат не принять экстренные меры по повышению доверия населения к действующей власти, не изменить экономическую и социальную политику в интересах более широких слоев российского общества, не реализовать целый ряд необходимых проектов национального развития, не уменьшить социальное и межрегиональное неравенство в стране, риски и угрозы России в эти критические периоды (в переломных точках развития) будут поистине «запредельными» (Пантин и др. 2018).

Политика развития в России: исторический и современный опыт

Как показывает исторический опыт, при осуществлении любой эффективной с точки зрения государственных интересов или интересов больших социальных групп политики развития необходимо

прежде всего правильно определить цели развития и разработать, хотя бы в самом общем виде (сначала в виде тезисов, ключевых положений или лозунгов), общий план, проект развития, который был бы поддержан сначала активным меньшинством, а затем большинством данного общества. Например, в России в 1917 г. таким активным меньшинством была партия большевиков, пришедшая к власти революционным путем, так как прежние правящие элиты были неспособны вовремя решить ключевые задачи модернизации и спасти страну от полного развала. Как бы мы ни относились к революции 1917 г. в России и политике большевиков в частности, важно учесть опыт масштабных преобразований, которые были реализованы в советский период. При этом следует иметь в виду: несмотря на революцию и попытки разрушить «старый мир до основания, а затем» построить мир по-новому, налицо была и преемственность в движении России по пути модернизации. Большевики сформировали свой проект (точнее, совокупность проектов) не на пустом месте. Они во многом заимствовали основные цели, задачи и средства своего модернизационного проекта и у дореволюционной России, и у Германии, и у США, а многие промышленные (например, ДнепроГЭС, Кузнецкий металлургический завод и др.) и социальные проекты (например, ликвидация неграмотности, всеобщее начальное школьное образование) были разработаны еще при царском правительстве. Но у этого правительства не оказалось исторического времени, чтобы воплотить их в жизнь.

Преемственность и вместе с тем решительное осуществление проектов развития после революции 1917 г. в России можно проследить на примере здравоохранения. Так, проект создания новой системы здравоохранения в Советском Союзе осуществлялся при участии Н. А. Семашко, Н. Н. Бурденко, Н. Ф. Гамалеи и других видных деятелей медицины, начинавших работать в этой сфере еще до революции. Так, под руководством Н. А. Семашко, бывшего в 1918–1930 гг. наркомом здравоохранения РСФСР, в Советском Союзе была организована довольно эффективная по тем временам централизованная система предупреждения эпидемий и борьбы с ними, создана система охраны материнства и младенчества, система охраны здоровья детей и подростков, возникла сеть научно-исследовательских медицинских институтов (Гольфельд 1970). По

инициативе Н. Ф. Гамалеи и согласно разработанному им еще в 1918 г. методу в Петрограде была проведена всеобщая прививка населения от оспы; этот опыт был затем распространен по всей стране. При активном участии другого организатора советской системы здравоохранения Н. Н. Бурденко были заложены основы советской нейрохирургии, была развита система военной хирургии, которая сыграла огромную роль в период Великой Отечественной войны (Сорокина 2008: 494–509).

Еще одним классическим примером осуществления политики развития является «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта. В начале 1930-х гг. в США под влиянием социальных последствий тяжелейшего экономического кризиса 1929–1932 гг. сформировалась широкая коалиция, которая объединяла политических представителей фермеров, рабочих, мелких и средних предпринимателей, часть крупного бизнеса и финансистов. Эта коалиция привела Ф. Д. Рузвельта к победе на президентских выборах, причем «Новый курс», предусматривавший различные меры в финансовой, экономической и социальной сферах, стал воплощаться в жизнь, несмотря на серьезное сопротивление крупных олигархов, называвших Рузвельта «красным» и «коммунистом». Следует отметить, что проект вывода США из кризиса реализовывался постепенно, но последовательно, что позволило Соединенным Штатам в тяжелый период мировой войны успешно воевать «на два фронта». Причем Рузвельт стал единственным президентом США, который избирался на этот пост четыре раза (для столь успешного президента конституционные ограничения на время войны были пересмотрены).

Важно подчеркнуть, что для реализации любой политики развития необходимы не просто наличие значительных человеческих, природных и финансово-экономических ресурсов, но их целенаправленная концентрация и мобилизация. Если государство, корпорация, социальная группа или сообщество неспособны обеспечить такую целенаправленную концентрацию и мобилизацию ресурсов, то цели и задачи политики развития не будут достигнуты, а проекты не будут выполнены вовсе или выполнены с большими огрехами и издержками, что и наблюдается во многих случаях в постсоветской России. Это происходит прежде всего потому, что после 1991 г. оказались разрушены прежние механизмы мобилиза-

ции ресурсов, а новые не были созданы или сформировались со множеством дефектов и диспропорций.

Кроме того, политика развития в современной России должна учитывать тот факт, что в настоящее время (период 2010–2020-х гг.) в развитых (США, Япония, ФРГ и др.) и динамично развивающихся странах (Китай, Южная Корея, ряд государств Юго-Восточной Азии, отчасти Индия) происходит переход к *новому (шестому) технологическому и социальному укладу* (Глазьев 2018). Во многом именно с этим переходом связаны и резко возросшая за последние годы конкуренция, экономическая, социальная и политическая нестабильность, углубление различных конфликтов и размежеваний на ценностной основе, в том числе внутри самых развитых и внешне благополучных западных обществ.

Технологический уклад – это совокупность («пучок») взаимосвязанных технологий, которые в данный период обеспечивают наиболее прибыльное и эффективное экономическое развитие (Он же 1993). Для нового, шестого технологического уклада такими лидирующими и постоянно совершенствующимися технологиями, формирующими новые отрасли производства, являются информатика, нанотехнологии, робототехника, биотехнологии, новая медицина и новые материалы, новые источники энергии, рециклинг отходов и др. (Nigooka 2006; Иванов, Малинецкий 2017: 21–26).

По аналогии с технологическим укладом социальный уклад можно определить как совокупность социальных институтов, сетевых и иерархических взаимодействий между различными сообществами, форм управления и форм социальной организации, которые в данный период обеспечивают основу динамичного и устойчивого развития общества. В этом смысле можно говорить о том, что переход к новому, шестому технологическому укладу повлечет за собой переход и к новому социальному укладу с новыми институтами, новыми формами сетевой организации, с новой социальной дифференциацией и политической поляризацией. Как показывает анализ всех предшествующих переходов к новому технологическому и социальному укладу, в этом переходе ведущую роль всегда играет государство, которое определяет основные цели и проводит политику развития не только в экономической, но и в социальной сфере. Однако характер этого государства, его взаи-

моотношений с обществом, его социальными группами и «низовыми» сообществами, как и характер этой политики развития, каждый раз разный, так как меняются условия внутри ведущих стран и в мире в целом.

Важно подчеркнуть, что прежние социальные институты, сформировавшиеся в развитых западных обществах в условиях доминирования прежних технологических и социальных укладов, в настоящее время в значительной мере деградируют и разрушаются (см., например: Фергюсон 2016). Уже поэтому слепое копирование существующих западных институтов в условиях современной России ничего не даст для повышения эффективности социального, экономического и политического развития. Требуется разработать политику развития, которая, с одной стороны, учитывала бы опыт наиболее успешно развивающихся стран в сочетании с социальной и культурной спецификой российского общества начала XXI в., а с другой – проводилась бы в интересах не только узких элитных групп и кланов, но и широких слоев населения, которые поддержали бы эту политику. Выработка такой политики развития является чрезвычайно трудной и многомерной задачей, требующей усилий многих ученых, специалистов, экспертов, общественных деятелей, но некоторые общие соображения по поводу политики, о которой идет речь, можно высказать в рамках данной статьи.

Политика развития для современного российского общества: предпосылки, вызовы и ресурсы

Россия была и остается «миром миров» (М. Я. Гефтер), в ней существуют регионы с различным уровнем развития, с различными социальными и культурными традициями, предпочтениями, ценностями, религиозными убеждениями. Есть регионы, в которых едва развиты второй (основанный на каменном угле и простейших машинах), третий (основанный на двигателе внутреннего сгорания и нефти), четвертый (основанный на нефтехимии, ядерной энергии) технологические уклады. Но есть и мегаполисы с их претензиями на включение в глобальные сети с пятым технологическим и социальным укладом, базирующимся на информационных технологиях. В данных условиях любая политика развития должна учитывать эту разноразноуровневость и разноразноплановость социальных и экономиче-

ских условий, многообразие культур, социальных и политических ориентаций. Это многообразие ограничивает возможности унификации управления российскими регионами и вместе с тем определяет необходимость взвешенного и разумного сочетания централизации и децентрализации. В частности, к вопросу об укрупнении субъектов РФ чрезвычайно важно подходить с большой осторожностью, так как это укрупнение вызывает значительное недовольство региональных элит, особенно элит национальных республик в составе РФ. В то же время необходимо использовать преимущества этой разнородности и даже преимущества отсталости, которые состоят в том, что отставшим регионам «есть куда развиваться» и что Россия, имея огромные природные и человеческие ресурсы, в критических условиях сама может обеспечить себя всем необходимым (пусть и с издержками). Эти особенности России побуждают ее ориентироваться не только на Запад, но и на бурно развивающийся Восток, использовать традиционные ценности и нормы (в том числе советские) для мобилизации населения и ограничения appetites большинства представителей федеральной и региональных элит, ориентированных на западные стандарты жизни.

Вместе с тем главный вызов и главная опасность для сегодняшней России состоит в значительном, а иногда и полном отрыве правящей элиты от нужд большинства представителей общества, от реальной жизни людей и их проблем. Этим элитам, различным элитобразующим или приближенным к ним группам и кланам свойственны узкое понимание своих интересов и постоянно растущие appetites в вопросах личного обогащения за счет государства и общества (Семененко 2017: 172–175; Пантин и др. 2018: 6–12). Из этого, в частности, проистекает разрушение – под видом очередных «реформ» – образования, здравоохранения, науки, реальной экономики, экологии и социальной сферы, в том числе и всей совокупности социального капитала, унаследованного от советского периода. Неменьшую опасность представляют «разруха в мозгах» и манипуляции с помощью сетевых ресурсов сознанием значительной части молодежи, особенно в мегаполисах. Без серьезных социальных потрясений и конфликтов здесь обойтись вряд ли удастся, но важно, чтобы общество и государство были готовы к этим конфликтам,

чтобы они регулировали их и сверху, и снизу, не давая разрастись до катастрофических размеров.

При этом, как можно предположить, основным средством такого регулирования могут быть инициированные небольшими сетевыми группами и поддержанные влиятельными сообществами (в том числе на уровне российских регионов) проекты развития в разных сферах – от экологии и здравоохранения до экономики, науки и образования. Такие примеры, в том числе поддержанные государством, в сегодняшней России есть, и их нужно использовать и развивать. В качестве таковых можно привести отдельные проекты и разработки в ИТ-технологиях, в сфере ОПК, стартапов и высокотехнологичного малого бизнеса, отечественные разработки в образовании и самообразовании, акцию «Бессмертный полк», отдельные проекты в сфере культуры, в том числе на региональном уровне, некоторые инфраструктурные проекты, например Крымский мост. Однако пока что это отдельные проекты, не соединенные в единую сеть и единую стратегию развития России.

Следует отметить, что в настоящее время в очень незначительной степени задействованы основные интеллектуальные, природные, экономические и социальные ресурсы развития России, что объясняется неэффективной управленческой политикой, отсутствием единой стратегии развития страны и корыстными, узко понимаемыми, краткосрочными интересами правящих групп. Среди слабо используемых ресурсов развития российского общества и государства можно выделить следующие.

Во-первых, это сохраняющийся, несмотря на все «реформы», но плохо задействованный *интеллектуальный потенциал* – многочисленные социальные и технологические инновации, новые научные и инженерно-конструкторские разработки, стартапы и др., которые внедряются в производство слишком медленно или не внедряются вовсе. Особо следует выделить малое число центров ситуационного анализа и прогноза с привлечением наиболее квалифицированных и неангажированных экспертов, способных выработать необходимые рекомендации для принятия на государственном уровне различных управленческих, экономических и политических решений. Речь идет в том числе о кризисных ситуациях в экономике, назревающих социальных конфликтах, острых геополитических противоре-

чиях. При этом необходимо учитывать, что в США на государство и крупные корпорации работают многие тысячи ситуационных, аналитических, социологических центров и групп, так называемых “think tanks”, в то время как в России в настоящее время число таких центров и групп в десятки раз меньше.

Во-вторых, к числу слабо используемых ресурсов относятся огромные, но неэффективно и нередко грабительски используемые *природные ресурсы*. Здесь особо следует отметить вывоз за рубеж переработанного леса, нефти, руд металлов и других природных ресурсов. За этим неконтролируемым государством вывозом стоят многочисленные корпоративные, а нередко и криминальные интересы, лоббирующие эти интересы группы в правительстве и парламенте. Государство пока не в состоянии обеспечить эффективный контроль за использованием природных ресурсов страны и тем самым расширить собственную экономическую, финансовую, социальную и политическую базу. Однако если государство в лице силовых структур не сумеет добиться такого более эффективного контроля, оно не сможет осуществить политику развития и уже в ближайшие годы столкнется с глубоким экономическим, социальным и политическим кризисом, угрожающим целостности и самому существованию страны.

В-третьих, по-прежнему незадействованными или слабо задействованными остаются многочисленные *общественные и групповые инициативы снизу*. Государство в России по-прежнему стремится подчинить себе все общественные структуры и сетевые взаимодействия, что в современных условиях и невозможно, и чрезвычайно опасно. Отчасти такая ситуация объясняется тем, что в 1990-е гг. многие неправительственные организации в России финансировались из-за рубежа, главным образом из стран Запада, причем последние нередко преследовали свои цели, противоречащие интересам российского государства и общества. Однако с тех пор ситуация принципиально изменилась, и многие общественные и групповые инициативы выражают коренные интересы российского общества, например, в сфере экологии, образования, науки, здравоохранения, судопроизводства, развития городов и поселков, горизонтальных отношений между регионами. Между тем отношение региональных властей и федеральной власти к этим низовым

инициативам и структурам остается настороженным, если не враждебным. В результате огромные ресурсы низовых инициатив и сетевых взаимодействий по-прежнему не востребованы структурами политического целеполагания страны. Более того, поскольку региональные и федеральные органы власти годами и десятилетиями не решают самые насущные проблемы жителей России, у многих граждан формируется не только критическое, но и негативное отношение к властям различного уровня. А это чревато серьезной дестабилизацией, социальными взрывами и радикальными политическими протестами.

В-четвертых, важным ресурсом развития России, как уже отмечалось выше, является *социальное, экономическое, культурное и историческое разнообразие российских регионов*. При правильном подходе подобное разнообразие является не препятствием или тормозом (как это нередко представляют неолибералы, технократы и бюрократы, стремящиеся во что бы то ни стало унифицировать всю Россию), а важным преимуществом и ресурсом развития, которые можно эффективно использовать. Как уже отмечалось выше, различный экономический, социальный и культурный уровень развития российских регионов дает возможность подтягивать менее развитые регионы и тем самым формирует спрос на различные инновации, новые технологии и производства. Более того, значительное культурное разнообразие российских регионов формирует условия для развития различных традиционных и других приспособленных к местным условиям производств, продукция которых пользуется спросом по всей России, и дает возможность обеспечить преемственность культурного развития, его региональную специфику и своеобразие. Попытки же ликвидировать разнообразие регионов России, «сэкономить» на развитии их инфраструктуры и загнать все российское население примерно в 15 огромных городских агломераций (подобный проект всерьез обсуждался на экспертном и правительственном уровне) ведут не к развитию, а к деградации всей страны, к ее возрастающей уязвимости для внутренних и внешних угроз, к демографической пропасти и сужению внутреннего рынка.

В-пятых, важным и до конца не задействованным ресурсом является *способность большинства людей России к мобилизации*

и сосредоточению в условиях серьезных внешних угроз. Эта способность не раз приводила к важнейшим военным и внешнеполитическим победам России, к осуществлению крупных проектов развития страны. В качестве примеров можно привести не только Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., но и атомный проект конца 1940-х – начала 1950-х гг., космический проект конца 1950-х – 1970-х гг., освоение Крайнего Севера, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока.

Несмотря на значительные и нередко неоправданные жертвы, эти и другие проекты развития выводили страну на новый технологический, экономический, социальный и геополитический уровень. Есть все основания полагать, что без таких крупных проектов, отнюдь не сводящихся к проведению зимней Олимпиады или чемпионата мира по футболу, Россия не только не сможет развиваться и формировать достойный ответ на современные вызовы, но и будет деградировать в социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях.

Возможными примерами крупных проектов, способных мобилизовать значительную часть населения России, могут служить дальнейшее освоение Сибири и Дальнего Востока в интересах жителей России, а не Китая и Японии, а также импортозамещение, реиндустриализация и развитие новых производств вопреки и наперекор санкциям США и других западных стран. Пока что российское правительство и другие властные структуры всячески тормозят (если не саботируют) эти проекты развития, действуя главным образом в соответствии с рекомендациями МВФ, которые направлены на социальную и экономическую деградацию России, отвлечение и изъятие в пользу западной финансовой системы необходимых ей ресурсов развития. В основе таких действий, кроме корыстных узкогрупповых интересов и масштабной коррупции, лежат нелепые и ничем не оправданные иллюзии нынешней российской элиты о возможности в ближайшие годы тесного экономического, финансового и технологического сотрудничества с Западом. Эти иллюзии и надежды по-прежнему определяют стратегию их деятельности, даже в условиях, когда США и страны ЕС развернули против России глобальную гибридную войну (финансовую, экономическую, политическую, информационную, психологиче-

скую, войну в киберпространстве и др.). Эта война имеет целью лишить Россию ее политического, экономического и военного суверенитета, ослабить и расчленив страну, как это произошло с СССР. В условиях такого всеобъемлющего, длительного и масштабного противостояния без интеллектуальной и социальной мобилизации, учитывающей национальные интересы и интересы большинства российского населения, Россия не сможет справиться с многочисленными внутренними и внешними вызовами.

В-шестых, очевидным и слабо задействованным ресурсом служит *развитие малого и среднего бизнеса в наукоемких отраслях российской экономики*. В настоящее время политика региональных властей по-прежнему ограничивает возможности развития этих сегментов бизнеса. Неоправданно усложнена и зарегламентирована процедура получения тех или иных разрешений, сохраняется массированное коррупционное давление местных чиновников на малый и средний бизнес, которому фактически недоступны кредитные ресурсы и инфраструктурная поддержка. В большинстве регионов незаметна заинтересованность властей в реальном развитии местной экономики, широко практикуется политика выдачи преференций только тем бизнесменам и их группам, которые приближены к власти и находятся в «деловых» отношениях с ней. В результате отсутствует эффективная борьба с коррупцией и административным произволом, которые являются главным препятствием на пути развития российской экономики. Не проводится дифференцированная политика государственного поощрения развития венчурных предприятий малого и среднего бизнеса, а также малых и средних предприятий, выпускающих высокотехнологичную, нередко уникальную для России и всего мира продукцию.

Наконец, в-седьмых (но не в последних по значению), важным ресурсом развития во всех областях – в экономике, науке, образовании, здравоохранении, экологии, культуре, строительстве и др. – является *уменьшение бюрократического пресса, огромной бюрократической отчетности и ориентации на чисто формальные показатели*. Именно уменьшение бюрократического пресса и огромной формальной, никому не нужной отчетности в ключевых областях жизни общества, их редуцирование до необходимого минимума, до нескольких ключевых интегральных показателей спо-

собно высвободить огромные ресурсы, включая значительное количество времени для производительной деятельности, ускоренного внедрения изобретений и инноваций, пробуждения и развития низовых социальных инициатив.

Краткие выводы

Итак, наличие множества внутренних и внешних вызовов и угроз, а также результаты методологически обоснованного и опробованного прогнозирования весьма важных, во многом судьбоносных для российского политического развития «точек перелома» (в 2021–2022 гг. и в 2024–2025 гг.) позволяют сделать вывод о необходимости осуществления конкретной политики развития, учитывающей интересы большинства населения России и пользующейся поддержкой этого большинства, а не только узких элитных групп.

Представленная правительством РФ в мае 2018 г. программа экономического, социального и политического развития во многом не соответствует этим требованиям и потому будет реализована лишь фрагментарно и главным образом на бумаге, в отчетах чиновников. Более того, представленный проект пенсионной реформы, даже в ее отчасти скорректированном варианте, может оказаться и, скорее всего, окажется «бомбой замедленного действия» для российского общества и государства. Данный проект плохо учитывает настроения подавляющего большинства населения России: по данным различных опросов, от 80 до 90 % российского населения выступают против этой пенсионной реформы. Плохо учитывает он и реальное состояние, а также перспективы развития отечественного рынка труда, который отторгает людей старше 45–50 лет, а также реальную демографическую ситуацию в России. В ближайшие годы показатели смертности будут расти, а рождаемости – падать, в силу чего большинство людей не будет доживать до пенсии, как это происходит уже сейчас в целом ряде регионов России. Без глубокого реформирования внутренней политики развития РФ, без разработки и реализации проектов, направленных на действительное, а не мнимое развитие, страна в ближайшие годы окажется в глубоком социальном и политическом кризисе.

У России пока что есть человеческие, природные, интеллектуальные и технологические ресурсы для осуществления реальной

политики развития, способной подтянуть страну к новому, шестому технологическому и социальному укладу. Однако без целенаправленной и ускоренной мобилизации этих ресурсов, без осознания правящей элитой (или ее наиболее дальновидной частью) всей опасности складывающейся ситуации и без политической воли, способной пробудить значительную часть общества от политической и социальной апатии, страна не сможет адекватно ответить на многочисленные и опасные вызовы.

У России остается очень мало времени для того, чтобы подготовиться к самой опасной фазе гибридной войны, в которой будут использоваться новейшие информационные, военные и политические технологии, жесткие финансовые и другие санкции, направленные на раскачивание внутренней ситуации в России, на обострение внутренних противоречий и расколов с целью вызвать в ней социальный взрыв, анархию, государственный переворот и резко ослабить ее как политического, экономического и военного конкурента. Только срочная разработка политики реального, а не фиктивного бюрократически-коррупционного развития может помочь России в ситуации грядущих сложнейших испытаний.

Литература

Глазьев, С. Ю.

1993. *Теория долгосрочного технико-экономического развития*. М.: ВлаДар. 310 с.

2018. *Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. М.: Книжный мир. 768 с.

Гольфельд, А. Я. 1970. *Очерки по истории педиатрии СССР*. М.: Медицина. 184 с.

Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г. 2017. *Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука*. М.: Ленанд. 304 с.

Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. 2003. *Синергетика и прогнозы будущего*. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. 2014. *Основания синергетики: Синергетическое мировидение*. М.: ЛИБРОКОМ. 256 с.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+. 448 с.

2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Пантин, В. И., Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е. 2018. *Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации. Стратегический анализ*. М.: Учитель. 24 с.

Семененко, И. С. (отв. ред.). 2017. *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад*. М.: ИМЭМО РАН. 229 с.

Сорокина, Т. С. 2008. *История медицины*. М.: Академия. 560 с.

Тимофеев, И. Н. 2012. «Нелинейная парадигма» в изучении политических процессов: теоретические допущения и опыт эмпирического исследования. В: Войтоловский, Ф. Г., Кузнецов, А. В. (ред.), *Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики*. М.: Крафт+. 224 с. С. 30–43.

Фергюсон, Н. 2016. *Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства*. М.: АСТ, Corpus. 192 с.

Фукуяма, Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, Ермак. 588 с.

Arrighi, G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London; New York: Verso. 418 pp.

Friedman, G. 2009. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*. New York; London: Doubleday. 274 pp.

Hirooka, M. 2006. *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Non-linear Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar. 448 pp.

Kupchan, Ch. 2002. *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*. New York: Alfred A. Knopf. 416 pp.

Robertson, R. 1992. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications. 211 pp.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York; London: W.W. Norton & Company. 292 pp.